

РУССКИЕ УНИВЕРСИТЕТЫ И РУССКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ

Часть 1

А.И. Фет

Статья «Русские университеты и русская интеллигенция» была написана по просьбе Инны Кижнер для работы со студентами. Как утверждает Инна, это было в 1996 году, когда она работала с группой экономистов. Скорее всего, она ошибается. Я хорошо помню этот год: А.И. долго был в Америке и вернулся лишь в декабре. По-видимому, он начал писать эту статью не раньше 1997 года. Он написал сразу около половины текста, до раздела «Русские университеты до революции и зарождение русской интеллигенции», после чего несколько лет к нему не возвращался. В какой-то момент Инна напомнила о своей просьбе. А.И. без особого энтузиазма вернулся к написанному, пометив в рукописи, что надо такой-то раздел вставить из «Инстинкта». В это время он был поглощен работой над книгой, но, уступая настояниям Инны, написал еще примерно столько же, закончив словами «Русские университеты, русскую науку и научное образование придется строить заново. Эту трагедию надо пережить спокойно. Нельзя гневаться на мелких жуликов: они не ведают, что творят». В таком виде статья была набрана в 2001 году, после чего А.И. добавил к ней раздел «Русская интеллигенция» из «Инстинкта», предварив его небольшой связкой.

Ключевые слова: университеты, академические свободы, немецкая философия, научное образование в России.

DOI: 10.17212/2075-0862-2016-3.2-155-169

I. Средневековые университеты Европы

Слово «университеты» происходит от латинского *universitas*, означающего «целость», «совокупность» или «сообщество» людей. Если не углубляться в древнюю историю, когда высшее образование заменяли частные школы, устраиваемые философами и ораторами в Афинах, Александрии и других центрах просвещения, то высшее образование возникло в виде регулярных учреждений в XI веке, когда появились первые университеты в Италии (Боло-

нья) и во Франции (Париж). В XII веке возникли английские университеты в Оксфорде и Кембридже, а затем множество университетов в странах Западной Европы.

Первоначально университеты были добровольными сообществами преподавателей и учащихся (*universitas doctorum et scholarium*), свободно выбиравшими ректоров и профессоров, и эти их свободы признавались хартиями, которые выдавали им монархи. Они имели даже судебные и полицейские функции по отношению к своим членам и были ограждены от вме-

шательства властей, что и положило начало традиции «академической свободы». Не следует удивляться столь ранней демократии в высшем образовании, ведь демократия и вообще коренится в учреждениях средневековья: английский парламент существует с 1215 года. Для университетской жизни очень важна была свобода преподавания, с самого начала считавшаяся необходимым условием научного знания. Короли и вельможи, бравшие под свое покровительство университеты и часто оказывавшие им материальную поддержку, не вмешивались в содержание лекций и не пытались влиять на дела ученого сословия. Церковь, конечно, следила за правотой богословских доктрин и иногда преследовала еретиков, но в университетах не было ничего похожего на обязательные учебные планы, подлежащие предварительному одобрению, или какого-нибудь контроля над личными мнениями профессоров. Признавалось, что эти мнения могут быть различны, и для решения научных вопросов устраивались открытые для публики диспуты. Точно так же присуждение ученых степеней происходило после свободного диспута, в котором претендент должен был защищать свои взгляды от всех желающих с ним спорить; отсюда ведут свое начало «защиты диссертаций» и «оппоненты». Конечно, средневековые ученые мало знали или имели неправильные представления, но их обычаи были гораздо свободнее, чем нынешние чиновничьи игры, пародирующие ученый диспут.

Академической свободе весьма содействовало разнообразие политических условий, затруднявшее контроль над образованием. Даже до Реформации церковь не имела полной власти ни в одном из европейских государств, кроме Папской об-

ласти в Италии, и светские власти не всегда поддерживали присущий ей дух преследования. Инквизиция в ее обычном смысле укрепилась лишь в XV столетии: инструкция «Молот ведьм» была опубликована в 1492 году, в год открытия Америки, а цензура не существовала до изобретения книгопечатания, когда архиепископ Майнцский, увидев книжную ярмарку, наполненную произведениями типографии Гутенберга, принял меры для прекращения этого безобразия. Можно сказать, что и церковь, и светские власти недооценили опасность науки и дали укорениться традиции научного исследования и преподавания. Они еще не знали, что «знание – сила», это выражение принадлежит Бэкону и предвещает уже Новое время.

Другой важной чертой старых университетов было соединение научного исследования и преподавания: считалось очевидным, что, в отличие от школьного преподавания, преподавание «высших наук» может быть доверено лишь тем, кто сам создает научные знания. Это значение университетов сохранилось повсюду, кроме Советского Союза, где, по различным ведомственным соображениям, творчески одаренные ученые сосредоточивались в НИИ, исследовательских институтах без преподавания, а преподавание поручалось идеологически проверенным научным ничтожествам. Кроме России, из которой теперь эмигрировали почти все серьезные ученые, традиция университетской науки поддерживается во всех странах до наших дней.

Еще одним важным преимуществом средневековых университетов был их интернациональный характер. Дело в том, что в Средние века языком образованных людей была латынь, с которой и начиналось обучение грамоте. Конечно, это была не

классическая латынь Цицерона, а «средневековая латынь», но она оставалась языком, на котором *говорили* все грамотные люди, т. е. в некотором смысле живым языком, доставлявшим то международное средство общения, которого нам теперь так недостает. Студенты и профессора свободно переходили из одного университета в другой, поскольку их не разделяли языковые барьеры; да и границы еще не были закрыты. Николай Коперник, сначала учившийся в Краковском университете, затем слушал лекции и преподавал в Болонье и Риме. Эразм Роттердамский, голландец родом, долго жил во Франции, Германии и Англии, но не знал ни одного языка, кроме родного голландского и латыни; ее было достаточно для всех его ученых собеседников. Вероятно, ему не так легко было объясняться с менее учеными людьми, и при разговоре с одним немецким князем понадобился перевод.

Теперь наши ученые пользуются упрощенным английским языком продавцов и стюардесс. Очень жаль, что было прервано развитие «живого» латинского языка – сначала педантами эпохи Возрождения, а потом «материалистами» вроде студента Базарова.

Первоначально университеты делились на «национальности», поскольку студенты происходили из разных стран. В Парижском университете было четыре «национальности»: галлы, пикардийцы, нормандцы и англичане. В конце XIV века появилось деление на факультеты, например, богословский, философский, юридический и медицинский. Науки в нашем смысле слова относились к философскому факультету. Сама философия считалась «служанкой богословия», но имела и собственные интересы, например, изучение Аристотеля и Пла-

тона. Кроме нее на философских факультетах занимались «семью свободными искусствами», делившимися на вводный цикл («тривиум», откуда происходит нынешнее прилагательное «тривиальный») и высшие науки («квадривиум»). В тривиум входили грамматика, риторика и логика; считалось, что эти науки доставляют средства для рассуждения и изложения. Квадривиум состоял из математических наук, к которым относились арифметика, геометрия, астрономия и музыка. Здесь изучали серьезные вещи – геометрию Евклида и астрономию Птолемея – традиция, которая сохранилась до Нового времени; музыка тоже считалась математической наукой, согласно Пифагору, открывшему арифметические отношения в музыкальной гамме.

В Средние века книги были рукописные и стоили дорого. Монах переписывал книгу несколько месяцев, и только богатые люди могли иметь библиотеки. Поскольку обычный университетский курс состоял в изучении *одной* книги (хотя бы с комментариями профессора), то профессор, у которого была эта книга, читал ее, положив на *кафедру* – деревянное сооружение, какое и сейчас можно увидеть в университетских аудиториях. Конечно, и в то время – как и сейчас – изредка встречались профессора, способные «читать» свой курс без «бумажки», излагая свои собственные идеи: обычно это были еретики, как знаменитый Абельяр. Но, как правило, профессор просто читал книгу («чтение» – по-латински *lectio*, откуда наше слово «лекция»), а студенты, сидя на полу, устланном соломой, дословно записывали услышанное, как это делают и нынешние молодые россияне. К концу курса у каждого студента была своя книга, по которой он и сам, сделавшись профессором, мог учить других. Этот преобла-

дающий тип схоластического образования, рассчитанный на зубрежку, существовал уже у древних шумеров, где он служил для обучения писцов; теперь таким же образом обучают конторских служащих, клерков. Это последнее слово происходит от латинского слова *clericus* – «духовное лицо», поскольку в Средние века только клирики знали грамоту.

Конечно, подавляющая часть студентов философских факультетов тогда, как и сейчас, готовилась для канцелярской работы, а для этой цели зубрежка может быть подходящим способом подготовки. Вся беда в том, что будущим клеркам незачем было зубрить тривиум и квадривиум, как теперь им незачем зубрить точные и неточные науки. Для воспитания человека служебного типа – чиновника – важен самый процесс механического заучивания и соответствующая установка покорности. Обслуживать компьютеры несколько не труднее, чем действовать гусиным пером или выдавливать оттиски на сырой глине. Я бы сказал, что работа с компьютером даже проще, поскольку не требует изящества, но я не знаю эстетики нынешних канцелярий.

II. Университеты эпохи Возрождения

Эпоха Возрождения подорвала престиж схоластической науки и традиционного преподавания. Конечно, богословские факультеты могли сохранять свой схоластический характер, но даже юридические должны были выйти за пределы римского права, а медикам пришлось проверять написанное у Гиппократов и Галена. У философов авторитет Аристотеля, наконец, рухнул, и неясно было, что преподавать под названием философии, как и в наше время. Но науки в собственном смысле слова – естествен-

ные науки – после Галилея и Ньютона совершенно изменили свое лицо. Самое существенное отличие наук Нового времени по сравнению со средневековьем состояло в их динамическом развитии, выражаемом словом «прогресс». В этих условиях уже нельзя было «читать» одни и те же курсы по одним и тем же старым книгам. Очевидно, университеты должны были приспособиться к прогрессу науки и техники, пересмотрев не только предметы преподавания, но и способ их изложения.

В Средние века содержание излагаемого предмета могло не меняться в течение столетий. Изучать геометрию *означало* изучать «Начала» Евклида; изучать астрономию *означало* изучать «Альмагест» Птолемея и т. д. Каждая наука составляла законченное целое, и можно было излагать это ее неизменное содержание более или менее полно; это и было научное образование «схоласта». Определенность списка предметов и состава каждого предмета позволяла строить лекции таким образом, чтобы в университетском курсе была изучена «вся» геометрия, «вся» астрономия и т. д. Но если наука непрерывно расширяется, то приходится всё время менять содержание курсов, выбирая самое существенное с точки зрения лектора и отказавшись от претензии изложить «весь» предмет. К счастью, после изобретения книгопечатания не было уже надобности надиктовывать студентам «единственную» книгу: было *много* книг, и лектор мог отсылать своих слушателей к разным книгам, по мере надобности и по своему выбору.

Так всегда и поступали профессора, самостоятельные в своей науке. Но средневековый способ преподавания не так-то легко было преодолеть: университетов *всегда* было больше, чем самостоятельных уче-

ных. Да и сами университеты, как и любые учреждения, имели свою инерцию и с трудом меняли свои обычаи. Они стремились сохранить средневековую систему преподавания, т. е. «изучение» небольшого числа предметов по «священным» текстам, сводившееся к зубрежке. Как уже было сказано, это была подготовка чиновников.

Выход из такого положения, найденный европейской наукой, кажется парадоксальным: на фоне общего роста демократии развились *элитарные* университеты. Небольшое размышление объясняет этот парадокс. В самом деле, если наука перестает быть передачей «священной традиции» и становится живым развивающимся организмом, то возникает *задача подготовки ученых* – в этом новом смысле слова: вместо исполнителей священных церемоний требуются люди, способные усваивать и расширять быстро нарастающее, бурно меняющееся знание. Такая задача лишь однажды возникла в древности, когда элитарное образование, казалось бы, могло появиться, – в Александрийском «музее», куда приезжал учиться Архимед. Но в то время потребность в ученых была невелика или не была понята: если бы греки извлекли уроки из осады Сиракуз, то разбойничья империя римлян не задушила бы греческую культуру.

На рубеже XIX века Европа в самом деле нуждалась в ученых. В отличие от древности, здесь не было дешевого рабского труда и вся хозяйственная жизнь зависела от изобретения и применения машин. Это начинали понимать даже варвары: римляне могли только раскроить голову Архимеду, но Пётр Великий приглашал Ньютона в Россию, предлагая ему большие деньги. Конечно, варвары имели в виду только потребности военной техники, но в Запад-

ной Европе понимали, что в основе любой техники лежит научное знание. Техников можно было обучать прямо на производстве, но ученых надо было учить совсем иначе: их надо было немного, и для этого годились немногие. В отличие от техники, *наука неизбежно должна была стать занятием тщательно отобранной элиты*. Поэтому в Европе и возникли *элитарные университеты*.

III. Первые научные учреждения Нового времени

Европейская культура Нового времени началась во взаимодействии двух передовых стран – Англии и Франции. Декарт стоял еще на рубеже схоластики и науки в современном смысле этого слова. Первыми научными учреждениями Нового времени были Академии, созданные под покровительством королевской власти: английское Королевское общество (1662) и французская Академия наук (1666). Это были общества, имевшие целью не преподавание, а развитие науки и обмен научной информацией, и выбиравшие своих членов из самых выдающихся ученых. Такие общества по необходимости были немногочисленны и элитарны. Ньютон получил образование в Кембриджском университете, где было уже глубокое научное преподавание: его учитель Барроу был предшественником дифференциального и интегрального исчисления. Он уступил Ньютону свою кафедру; таким образом, Кембриджский университет был первым, где преподавали современную науку – математику, физику и астрономию. Королевское общество, членами которого были Ньютон, Бойль и Гук, было первым местом, где эта наука обсуждалась и утверждалась печатными трудами. В 1687 году была опубликована книга Ньютона «Математические основы натуральной

философии», которую надо считать не только началом систематического научного мышления, но – с гораздо большим основанием, чем другие события, излюбленные историками, – рубежом, отделяющим Новое время от Средних веков.

Существует представление, что инициатива этого культурного развития принадлежала англичанам, а французы, развивая пришедшие из Англии идеи, доводили их до логического завершения. Не высказываясь по этому поводу, замечу, что Декарт, живший до Ньютона, вряд ли был чем-нибудь обязан англичанам и что в XVIII веке научная и общественная инициатива, несомненно, переходит к французам: имена Лапласа, Лагранжа и философов Энциклопедии во главе с Дидро и Даламбером говорят сами за себя. Предыдущие замечания могут показаться далекими от нашей темы, но после десятилетий до сих пор не изжитого патристического идиотизма может быть полезно напомнить, где родилась современная цивилизация.

Английские университеты

Английские и французские университеты, ставшие в XIX веке очагами европейской культуры, заслуживают особого внимания: они приобрели элитарный характер и воспитывали ученых. В Англии это произошло, на английский лад, эволюционным путем. В Средние века Оксфордский и Кембриджский университеты давали образование *джентльменам* – сыновьям аристократов и богатых людей, предназначенным для высших государственных и духовных должностей или просто удовлетворявшим свою любознательность. Это образование обходилось дорого и уже по этой причине было элитарным; но оно не было закрыто и для способных людей из народа. Ньютон был

сыном зажиточного крестьянина, Гук был вначале часовщиком, а граф Рэтленд (писавший, как мы теперь знаем, под псевдонимом «Шекспир») был аристократ. В науке, во всяком случае, простые люди сделали больше.

В XIX веке главную роль играли по-прежнему два старых университета, и только к концу века стали набирать силу новые университеты, о которых еще будет речь. Как же были устроены английские университеты в XIX веке? Этот век был временем наивысшего расцвета европейской культуры; по-гречески человеческий возраст наивысшей силы назывался «акме», и, по-видимому, акме нашей западной цивилизации пришлось на 1850 год или около него.

Поскольку университеты не были устроены для бедных, число студентов было невелико, а число преподавателей и другого персонала было относительно высоким. Университет не интересовался тем, что теперь называют «успеваемостью»: профессор пользовался доверием университетских властей (их избирали сами профессора) и мог экзаменовать, как считал нужным. Студент получал диплом, сдав установленные экзамены; пока он их не сдал, он мог оставаться в университете как угодно долго – за собственный счет. (Надо сказать, впрочем, что самые способные молодые люди получали стипендии, учрежденные частными лицами: университет стипендий не платил, но брал плату за обучение, жилье и т. д.) Никого не беспокоило, если у профессора оставалось мало студентов.

Профессорами были выдающиеся ученые, репутация которых основывалась не на преподавании, а на научных достижениях. Никому не приходило в голову контролировать содержание их лекций, устанавли-

ливать «число часов» для каждого курса и тем более сажать к ним на лекции проверяющих визитеров. Считалось само собой разумеющимся, что кафедра профессора – *это высшая инстанция науки*, что с его взглядами можно спорить, но нельзя его опекать и наставлять. В университете были чиновники для служебных и хозяйственных функций, но не больше. Все эти черты «академической свободы» были наследием средневековья.

В других отношениях средневековые традиции пришлось устранить. Поскольку невозможно было вместить всю науку в один учебный курс, пришлось отказаться от «полного» изложения предмета, что и произошло само собой, по мере расширения научных знаний. Профессор излагал на лекциях только принципиальные вопросы своего предмета, предполагая, что студенты умеют читать книги. Это позволило сократить «курс лекций» до 15–20 часов или даже меньше. Чудовищные курсы в сотни часов, где приводятся (и обычно надиктовываются!) все подробности, остались теперь только в России. Университет не судил о работе профессора по его «нагрузке».

Всё это вовсе не значит, что техническая сторона науки находилась в пренебрежении. У профессора были ассистенты; в XIX веке их было всего 1–2. Они могли быть молодыми учеными, начинающими свою научную деятельность, или опытными учеными со склонностью к педагогической деятельности. В английских университетах такой «тьютор» вел группу из 5–10 человек в течение долгого времени, иногда нескольких лет. Он хорошо знал каждого из своих студентов и, не имея чрезмерной «нагрузки», мог посвятить себя развитию их индивидуальных способностей. Если его предметом была физика, он проводил

со студентами эксперименты, вникая во все подробности, какие могли быть опущены лектором; если это была математика, он решал со студентами задачи – непременно *трудные* задачи, потому что иначе весь предмет проходит впустую; если это был греческий язык, он читал со студентами оригиналы древних авторов и учил их всем тонкостям классической филологии. Само собой разумеется, что тьютор, предъявлявший такие требования студентам, должен был быть виртуозом своего дела. Профессор отличался от него тем, что был автором научных открытий и имел оригинальную концепцию своего предмета.

Характерной чертой английских университетов XIX века была «спортивная», или состязательная, оценка результатов обучения. Это, во всяком случае, относилось к точным наукам, в которых успехи оценивались трудностью решенных задач. Конкурсные задачи тщательно подбирались и держались в секрете до экзамена; они оценивались баллами, и место, занятое на конкурсе, определялось суммой баллов решенных задач. Человек, занявший на таком экзамене первое место, считался «окончившим первым по математике в таком-то году». В начале XX века эта система, несколько напоминавшая наши олимпиады, вызвала серьезные нарекания. Как всякая укоренившаяся традиция, конкурсная традиция стала вырождаться. Задачи принимали всё более специальный характер, вызвавший натаскивание на решение задач определенных типов. Возникли сомнения, правильно ли оценивается на таких конкурсах понимание предмета: обнаружилось, что первые призеры ничем не отличились в науке, а известные ученые занимали на конкурсах скромные места. Очень вероятно, что в таких экзаменах особую роль играло

ограничение времени, больше соответствующее спортивным качествам, чем научным талантам.

Несмотря на все эти оговорки, решение трудных задач всегда было единственным способом проверки приобретенных знаний; в гуманитарных науках этому соответствовали сочинения и дискуссии. В хороших университетах такие методы исключали зубрежку и вместе с нею всех, кому незачем было учиться высоким материям. Уже в наше время англичане, с характерной для них практичностью, изучили этот вопрос и пришли к выводу, что всего 4 % населения могут извлечь пользу из высшего образования.

Высшие учебные заведения Франции

Иначе возникли элитарные университеты во Франции, где они в XIX веке часто назывались другими именами. Во Франции было много средневековых университетов, в том числе знаменитый Парижский, с его факультетом наук и гуманитарным факультетом («Сорбонной»). Во время Великой революции оказалось, что эти учебные заведения не могут удовлетворить потребностям республики в ученых, инженерах и администраторах с современной подготовкой. Франция имела первоклассных ученых, но их было мало, и научное развитие происходило в Академии наук, вне сферы преподавания. Правительство республики решило эту проблему революционным путем, учредив высшие учебные заведения нового типа – Политехническую школу для подготовки инженеров и Нормальную школу для подготовки учителей. Организация этих школ, сразу же превратившихся в первоклассные университеты, была вверена таким выдающимся ученым, как Лагранж, Лаплас, Монж, Бертолле.

Тем самым был устранен разрыв между наукой и образованием. Высокий уровень преподавания, строгие экзамены вскоре превратили эти учебные заведения в университеты элитарного типа, принимавшие ежегодно всего несколько десятков юношей. Подготовкой техников для простых предприятий и учителей для начальных школ пришлось заняться другими учреждениями, но Франция приобрела подлинно высшее образование.

Новые французские школы не походили на старые английские университеты: в них с самого начала не было аристократического духа. Напротив, они сохранили, при всех политических переворотах XIX века, республиканский дух революции, которая их создала. Эти школы были элитарными только в смысле серьезной научной подготовки, к которой со временем начали приближаться другие французские университеты. В новых школах студенты жили в общежитиях, на полном государственном обеспечении, подчиняясь полувойсненной дисциплине. Они были доступнее бедным учащимся, чем английские университеты, но больше контролировались правительством, так что чиновники играли в них некоторую роль – далеко не такую, как у нас, да и чиновники у них были грамотны.

Французские высшие школы, как и английские университеты, славились трудными конкурсными экзаменами. Можно только удивляться, с какими задачами справлялись их студенты. В политехнической школе максимальная сумма баллов для всех экзаменационных задач составляла 2000; за всю историю школы наивысшую оценку в 1850 баллов получил Жак Адамар, в будущем великий математик. Как мы уже знаем, «первые ученики» редко оправдывают воз-

лагаемые на них надежды, так что в этом случае мы имеем исключение.

Элитарные университеты Франции создали великолепные научные школы в математике, физике, астрономии, химии. Пастер, бывший студентом, а потом назначенный директором Нормальной школы, совершил революцию в медицине. Конечно, лучше выборные ректоры, чем назначаемые директора – но, как видите, не всегда важно еще, *кто* их назначает.

*Университеты Германии как образец
для российских*

К сожалению, университеты передовых стран – Англии и Франции – мало повлияли на историю русских университетов. На них оказала решающее влияние университетская система более отсталой страны – Германии. Германия, населенная одной нацией и говорящая на одном языке, по историческим причинам не стала единым государством, а оставалась до 1870 года конгломератом из десятков малых государств, управляемых феодальными династиями. Крепостное право, давно исчезнувшее в Англии и во Франции, сохранялось в разных частях Германии до XIX века. Многочисленные немецкие университеты сохранили свои средневековые структуры. Студенты продолжали делиться на «ландсманшафты» по месту своего происхождения, предавались попойкам и дрались на дуэлях. К счастью, эти обычаи немецких студентов не привились в России, но многие особенности немецкой учености и немецкого преподавания сыграли важную роль в русской университетской жизни и русской истории.

Германия дольше всех стран Европы сохраняла средневековый способ печатания – готический шрифт, имитирующий привычные средневековому читате-

лю рукописные буквы. Немцы окончательно перешли к «римскому шрифту» только в 1940 году, по распоряжению рейхсканцлера (каковым был тогда Адольф Гитлер). Немецкие ученые, славившиеся обширными знаниями, в вопросах мировоззрения сохранили ребяческую религиозность и сентиментальную преданность установленным властям: у них были «готические головы». Именно в Германии развилась консервативная реакция на французскую революцию, названная «романтизмом». Конечно, Германия не осталась изолированной от европейской науки, и в течение XIX века в немецких университетах развилось естествознание. Но в начале этого века, когда Россия перенимала немецкие университетские порядки и приглашала немецких профессоров, немецкая наука сводилась преимущественно к филологии и философии. Филология была преимущественно «классической», т. е. состояла в изучении безопасных греков и римлян; а о философии придется кое-что сказать.

*Немецкая классическая философия и ее влияние
на русское общество*

Конечно, здесь не место заниматься историей философии, но если мы хотим понять фатальное влияние гегелевской схоластики на русское общество – сначала прямое влияние самого Гегеля, а потом косвенное влияние через «марксизм», то неизбежно возникает вопрос о так называемой «немецкой классической философии», господствовавшей в начале прошлого века в немецких, а потом и в русских университетах. Собственно говоря, традиционная, т. е. средневековая, философия была разрушена критическими работами Локка и Юма, а французские энциклопедисты решительно и бескомпромиссно выразили новую фи-

лософию эмпиризма. Готические головы немецких философов не могли этого переварить: эмпиризм казался им «плоским» и «бездуховным». Философия Канта была попыткой примирить идеи Нового времени с верой в бога, которого надо было непременно сохранить хотя бы в интересах нравственности: теоретический разум требовал «врожденных идей», а практический – хорошего поведения. Но влияние Канта ограничивалось гносеологией и потому касалось лишь философов. Широкую популярность в обществе получили откровенные схоласты Фихте, Шеллинг и Гегель, фантастически невежественные в современной науке, очень консервативные и в теории и на практике. Как известно, Гегель, видевший в своей философии завершение человеческого мышления, считал прусское королевство конечным продуктом истории; должно же было случиться так, чтобы он занимал кафедру в Берлинском университете!

Готические головы были даже у тех немцев, которые не дорожили расположением начальства. Молодой Маркс, приехавший в Париж, больше всего хотел быть объективным ученым, но гегелевская «диалектика» отравила на всю жизнь его мышление, а гегелевский «кудрявый» стиль изложения до сих пор отталкивает его читателей. Философия Гегеля господствовала в Германии по той причине, что она была, подобно романтической литературе, реакцией на французскую революцию. Как мы увидим, она заняла такое же положение в России – просто потому, что была импортирована из Германии.

В эпоху Священного Союза, когда государи Европы делали всё возможное для подавления «революционных» настроений, германские университеты были под

особым подозрением. Молодежь, восприимчивая к либеральным идеям, находилась под пристальным полицейским наблюдением. Конечно, в таких условиях не было серьезных реформ, и немецкие университеты сохраняли свой средневековый характер. Преподавание сводилось к длинным курсам лекций и формальным экзаменам. Не было серьезных требований к самостоятельности студентов, и не было практических занятий, развивающих такую самостоятельность. Студентов было много, но это вовсе не означало демократического направления университетов: целью их была подготовка чиновников. «Бурши» проводили время в грубых развлечениях, а перед экзаменами принимались зубрить, как это изображается в немецкой литературе и как это делают наши студенты. В общем, это были чиновничьи университеты – русские молодые люди, ездившие учиться в Германию, не видели лучших.

IV. Университеты в России

В России до начала XVIII века вряд ли ощущалась потребность в высшем образовании. Не было даже начальных школ: нуждавшиеся в грамоте брали частные уроки. При Алексее Михайловиче устроили нечто вроде духовной семинарии, где учили монахи из Киева; как полагали, это были люди сомнительного православия, поскольку они знали латынь. Только при царском дворе были врачи, которых выписывали из-за границы. Потребность в технических специалистах начала ощущаться лишь в XVII веке, когда обнаружилось, что русские войска бессильны против европейских армий. В Москве постепенно образовалась европейская колония, которую изолировали в Немецкой слободе, чтобы немцы не соблазняли москвичей в латинскую и

лютерскую веру. Немцами называли тогда вообще всех иностранцев, потому что они «не умели говорить», а потом уже это слово стали применять к самым близким и знакомым из них, жителям Германии. Любопытно, что татар и поляков, тоже «не умевших говорить», немцами всё-таки не называли. «Немцы», жившие в Немецкой слободе, конечно, не принадлежали к лучшему европейскому обществу: лучшие специалисты могли устроиться и поближе, так что Петру Великому пришлось воспитываться среди неудачников и авантюристов. Но юноша, одаренный практическим умом, умел расспрашивать, со временем он узнал имена Ньютона и Лейбница. Ньютон не захотел ехать в Россию; Лейбниц тоже в Россию не поехал, но рекомендовал Петру молодых немецких ученых, которые составили славу Петербургской академии, среди них были Эйлер и Даниил Бернулли.

Академия наук, которую сам Пётр не успел устроить, была составлена из ученых немцев, но при ней была гимназия, где учились русские. Конечно, при ближайших наследниках Петра Академии пришлось нелегко, но она выжила. Единственным серьезным ученым из русских был тогда М.В. Ломоносов, но в стране утвердилась самая идея высшего образования, и уже в XVIII веке Академия стала посылать молодых людей учиться за границу. Наконец, в 1755 году Елизавете Петровне внушили идею основать университет. Поскольку северная столица была в далеком углу России, неудобном для сообщения с дворянскими именьями, откуда ожидали студентов, то местом для университета благообразно избрали Москву. Чтобы поощрить молодых людей туда поступать, с университетским дипломом были связаны некоторые карьерные привилегии. Что касается про-

фессоров, то их стали приглашать из Германии, по протекции академических немцев; и так как уже не было Петра, кафедры заполнялись случайными людьми. Вплоть до царствования Александра I история нашего единственного университета сводилась к воспроизведению немецких образцов – людьми, не умевшими устроиться в Германии. Как и в Германии, это было учреждение для подготовки чиновников. Студентов было много – несколько сот, экзамены были несерьезные, и молодые люди, как правило, думали только о будущей служебной карьере. Но главной чертой университетского преподавания, сохранившейся до наших дней, были бесконечно длинные и скучные курсы, обычно читаемые «по бумажке», по раз и навсегда заготовленной тетради. Содержание этой тетради профессор мог привезти с собой из Германии, где он записал всё это на лекциях; русский ученик этого немца мог, в свою очередь, читать по той же тетради или по какой-нибудь другой, но всегда по одной и той же книге. Такие профессора составляли большинство и гораздо позже, во время описавшего их Герцена, но в XVIII веке других не было вовсе.

Александр Павлович, при всех его слабостях, был первый русский царь, получивший европейское образование, он много сделал для просвещения России. Если основанный им Царскосельский лицей и не исполнил всех возложенных на него надежд, то в нем был воспитан Пушкин. Уже в 1803 году был открыт Виленский университет и возобновлен Дерптский университет, в 1804 году основаны университеты в Харькове и Казани, а в 1819 году преобразован в университет Главный педагогический институт в Петербурге. Университеты были снабжены вначале либеральными

уставами, в духе первых лет царствования Александра; но эти уставы остались на бумаге, поскольку царя все больше беспокоили революционные настроения в Европе, и очень скоро в университетах, как и в армии, установился «аракчеевский режим». Система наблюдения и доносов должна была предотвратить распространение свободных идей, в соответствии с политикой австрийского канцлера Меттерниха, которой всё больше руководствовался русский царь. Но всё же Александр понимал, что в русских университетах надо иметь и русских профессоров, и что в России их готовить негде. Было решено посылать способных молодых людей за границу «для подготовки к профессорскому званию». Теперь в этом ощущалась действительная нужда, потому что уже были университеты.

Подготовка русских профессоров в Германии и влияние немецкой классической философии

Куда же можно было посылать этих молодых людей? Было три европейских страны, возглавлявших тогдашнюю цивилизацию: Англия, Франция и Германия. Англия, однако, была оплотом либерализма: она не вошла в «Священный Союз» европейских монархов, в ней сохранялась парламентская система правления и свобода печати; следовательно, молодые люди могли набраться в Англии нежелательных идей. Кроме того, английский язык был почти неизвестен в России, где обиходным языком дворян был французский, а языком «ученого сословия» – немецкий. Франция тоже не подходила: хотя союзники навязали ей старую династию Бурбонов, там была всё же конституционная хартия, был парламент с оппозиционными партиями и была бесцензурная печать. Непрерывные заговоры напоминали о бурном прошлом и предве-

щали Франции новые революции, так что молодым людям опасно было дышать воздухом Парижа. Оставалась Германия, где сорок шесть государей, восстановленных после наполеоновских войн, безмятежно правили своими королевствами и княжествами, отечески опекая своих подданных с помощью бдительной полиции. В Германии печать была под надежным присмотром цензуры, профессора, при всей своей учёности, дорожили своими местами и были благонамеренны, и даже самые неистовые романтики знали свое место и не судили о том, что их не касалось. Как выразился философ Гегель, в Германии каждому «предоставлялась свобода несколько резвиться вокруг своего положения». И лучше всех немецких государств была Пруссия, по-видимому, сочетавшая высокую цивилизацию с идеальным полицейским порядком. Берлинский университет славился ученостью своих профессоров, излагавших с немецкой основательностью всевозможные предметы, не касавшиеся окружающей жизни. Более того, в Берлине читал философию сам Гегель, признанный (по крайней мере, в Германии) глубочайшим философом. Таким образом, для «подготовки к профессорскому званию» лучше всего подходила Германия, и результаты этого вскоре сказались.

Молодые люди, попавшие в Берлин, знали только гуманитарную ученость своих немецких профессоров и были вполне невежественны во всем, что действительно происходило в науке того времени. В Берлине они слушали главных немецких профессоров, опиравшихся на авторитет главного немецкого университета, и верили, что здесь находится вся новейшая мудрость Европы. Немцы всё еще полагали, что в центре всего человеческого знания стоит *фило-*

софия – синтез всех наук и руководящая инстанция всякого познания. В это давно уже не верили в Париже и Лондоне, где занимались наукой в стиле Нового времени и где все серьезные ученые при упоминании философии лишь пожимали плечами. В Берлине всё это выглядело иначе. Здесь сохранилась средневековая вера во всемогущество «чистого разума», не нуждающегося в эксперименте и способного произвести из самого себя, методом «интроспекции», т. е. наблюдения за процессами собственного мышления, всё возможное знание о мире. Конечно, в этом заблуждении больше всего был виновен Платон, праотец богословия и схоластики. В Лондоне и Париже давно уже не занимались такой деятельностью, но немцы всё еще писали громадные трактаты, объясняющие весь мир *из общих принципов*, без выхода из головы, где эти принципы родились. Эти трактаты (напечатанные готическим шрифтом) содержали, как предполагали немцы, квинтэссенцию всего возможного знания, и если язык их казался малопонятным, это лишь подчеркивало их особую глубину. Автором самых непонятных и, следовательно, самых глубоких трактатов был Гегель, и молодые русские ученые уверовали, что в его трудах содержится всё, что надо знать, а может быть, и всё, что *можно* знать, потому что так думал сам Гегель – главный философ в Берлине и, следовательно, величайший мудрец Европы. И эти молодые люди принялись изучать его готические трактаты с усердием неопитов, обращенных в истинную веру. Из них воспитались гегельянцы, т. е. схоласты, подгонявшие все явления природы и общества под шаблоны гегелевской системы и верившие, что в этом и состоит *объяснение* всех явлений. Поскольку философия Гегеля была официальной филосо-

фией прусского королевства, ее не считали опасной. Такие профессора, как Пётр Григорьевич Редкин (1808–1891), ректор Санкт-Петербургского университета, получили возможность дурачить студентов своей наукообразной болтовней, выдавая ее за *последнее слово европейской науки*.

В первой половине XIX века «немецкая классическая философия» была влиятельна только в Германии, точнее, в Северной Германии, потому что католические университеты на юге ее не одобряли. В других странах ее влияние проявилось уже после «акме» европейской культуры и стало признаком ее декаданса. В общем, если не считать учебников по истории философии, влияние немецкой философии проявилось лишь через еретика-гегельянца Маркса, эмигрировавшего из Германии. Но в самой Германии эта философия укрепилась не только благодаря готическому мышлению немцев, но еще и по вполне определенной политической причине: она была философской реакцией на французскую революцию, вполне приемлемой для немецких правительств эпохи Священного Союза. По этой же причине она была единственной философией, допущенной в Россию.

Трагично, что легковверные русские, с жадностью поглощавшие всякую приходящую из Европы «благую весть», восприняли эти готические фолианты как откровение, подчиняя им свое мышление. Они вдыхали пыль средневековья, воображая, что следуют последней европейской моде. Среди людей, попавших под влияние немецкой философии, были и консерваторы, и будущие радикалы. Так называемые славянофилы, воспитанные на Шеллинге и Гегеле, прямо перенесли в Россию немецкую консервативную и националистическую оппозицию французскому револю-

ционному духу. Консервативный либерал Чичерин, ожидавший всех реформ от царя, был всю жизнь неисправимым схоластом-гегельянцем. Но и вольнодумцы из кружка Станкевича, умеренные либералы, и будущий отец анархизма Бакунин попадают во власть гегельянской диалектики. Вырываются из нее самые способные – Белинский и Герцен. Сегодня мы наблюдаем рецидив немецкой схоластики – возродившийся интерес к «русской религиозной философии»; поскольку этим занимаются неверующие и неспособные, никакой философии у нас по-прежнему нет.

Возникновение научного образования в России

Но в то же время, в начале XIX века, в русских университетах возникла и серьезная наука, не предусмотренная начальством. Поскольку на экспериментальные работы не давали денег, у нас не было исследовательских лабораторий; этим объясняется преимущественно теоретический характер возникшей в России науки. Первым русским ученым, получившим известность в Европе, был М.В. Остроградский – один из отцов математической физики. Он окончил в 1819 году Харьковский университет с блестящим успехом, но у него отобрали диплом по доносу профессора философии, обвинявшего молодого человека в неблагонадежном образе мыслей. Ему удалось уехать во Францию (где как раз это время не было революции!); там он завершил свое образование и начал преподавать в одном из парижских коллежей. Между тем правительство усмотрело, что России нужны инженеры, и в Петербурге был создан Институт путей сообщения, неизбежно подражавший своей организацией и программой парижским высшим школам. Были даже приглашены профессорами два

француза, Клапейрон и Ламе, которые оказались прекрасными математиками и физиками – в то время эти профессии не разделялись. В отличие от приглашенных в университеты немцев, эти французы оставили в науке свои имена. Вскоре к ним присоединился вернувшийся в Россию Остроградский, и в Петербурге возникло научное образование. Между тем в Казанском университете в то же время (1826 г.) молодой профессор Н.И. Лобачевский доложил работу, содержащую великое открытие, – неевклидову геометрию. Лобачевский никогда не был за границей и учился у посредственных немецких профессоров. Поскольку он опередил свое время, его постигла судьба, достойная гения, – он был осмеян. Его не поняли даже лучшие ученые того времени. Остроградский, самый авторитетный математик в России, инспирировал статью в журнале, высмеивавшую претензии казанского профессора.

До «эпохи великих реформ», т. е. до второй половины XIX века, в России были только отдельные самостоятельные ученые. Но уже самый факт существования университетов, где собралась лучшая русская молодежь, был важным стимулом развития русской культуры. Развитию культуры, как и других исторических явлений, присущ «кумулятивный эффект»: постепенное накопление материала приводит к спонтанному возгоранию. Мемуары и публицистика того времени дают об этом ясное представление: достаточно вспомнить «Былое и думы» Герцена и статью Писарева «Наша университетская наука». Беспощадная критика русских университетов уже означала, что было кому их критиковать. Студенты жадно воспринимали науку своего времени, даже если ее преподавали посредственные профессора, и дополняли это дозволен-

ное знание чтением книг, не всегда дозволенных или прямо запрещенных. Напомним, что большинство из них знало французский и немецкий и что сколько-нибудь

важные книги проникали в Россию, несмотря на все меры начальства. Университеты, созданные при Александре I, стали рассадниками новых европейских идей.

RUSSIAN UNIVERSITIES AND THE RUSSIAN INTELLIGENTSIA

Part 1

A.I. Fet

The article «Russian Universities and the Russian Intelligentsia» was written at the request of Inna Kizhner to work with students. According to Inna, it was in 1996, when she was working with a group of economists. She might be wrong. I remember that year very well: A.I. Fet was in America for a long time and returned to Russia only in December. Apparently, he started writing this article not earlier than in 1997. He wrote about half of the text at once up to the chapter «Russian Universities before the Revolution and the Emergence of the Russian Intelligentsia,» and then he gave it up for a few years. At some moment, Inna reminded him of her request. A.I. Fet half-heartedly returned to the writing of his manuscript, having marked in it that it is necessary to insert a certain section from «Instinct.» At that time, he was absorbed in the work on the book, but, yielding to Inna's insistence he wrote the last half, ending it with the words «Russian universities, Russian science and science education will have to be rebuilt. We need to overcome this tragedy quietly. You cannot be angry with these swindlers: they do not know what they do». As such, the article was ready in 2001; then A. I. Fet added the chapter «The Russian Intelligentsia» from «Instinct», prefacing it with a small foreword.

Keywords: universities, academic freedom, German philosophy, science education in Russia.

DOI: 10.17212/2075-0862-2016-3.2-155-169